12+

АЛЕКСАНДР ЖУНТОВ

РОКОТ МОРА

Как быть услышанным в мире, где все кричат



Александр Жунтов

Рокот Мора. Как быть услышанным в мире, где все кричат

«Издательские решения»

Жунтов А. Д.

Рокот Мора. Как быть услышанным в мире, где все кричат / А. Д. Жунтов — «Издательские решения»,

В городе Гуле прав тот, кто громче. Тихий Мор мечтает построить мост, но сначала ему придётся соединить людей, привыкших слышать только себя. Сатирическая притча о силе негромкого голоса, цене правоты и смелости слушать.

© Жунтов А. Д.
© Издательские решения

Содержание

АЛЕКСАНДР ЖУНТОВ 6
Философская сатирическая притча 7
Рокот Мора 8
Содержание 9
Эпилог. Рокот 105 10
3. Мастерская отца 17
4. Тетрадь матери 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Рокот Мора
Как быть услышанным в мире, где все кричат

Александр Дмитриевич Жунтов

© Александр Дмитриевич Жунтов, 2026

ISBN 978-5-0071-7136-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР ЖУНТОВ
РОКОТ
МОРА

Как быть услышанным
в мире, где все кричат

Философская сатирическая притча

2026

Александр Жунтов

Рокот Мора

В городе Гуле прав тот, кто громче. Мор задаёт простой вопрос: почему здесь возводят памятники, но не могут построить мост? Поиски ответа приводят его в чужие мастерские, кабинеты и дома. Чтобы соединить берега, ему придётся научиться слышать людей — и заметить, когда собственная правота мешает слушать.

Философская сатирическая притча о взаимопонимании, ответственности и общем деле.

Все персонажи, учреждения и события произведения вымышлены.

© Александр Жунтов, 2026

Содержание

Предисловие 5
1. Как выбирают мэра по громкости 7
2. Первый провал: разговор со Свистуном 15
3. Мастерская отца 21
4. Тетрадь матери 27
5. Громкий 34
6. Бубнилы 41
7. Певуны и Считари 50
8. Странствие: Барабанщики, Счёт и Тишина 56
9. Почини и расскажи 64
10. Чертёж 72
11. Дно меняется 77
12. Другой берег 81
13. Цена согласия 86
14. Когда все умеют слушать 91
15. Вода 95
16. Чьи имена 100

Эпилог. Рокот 105
Предисловие

Бывает, разговор закончился, а мы всё ещё подбираем слова. Вспоминаем, где нас перебили, где мы уступили, где стоило сказать громче. Чужой ответ давно забыт; собственная несказанная речь становится всё лучше.

У жителей Гула таких затруднений почти не было. Они просто повышали голос.

В Гуле привычка не слушать стала законом. Здесь легко узнать чужие недостатки. Труднее заметить себя — особенно когда уверен, что пришёл с добром.

Мор тоже уверен. Он хочет построить мост и знает, что мост нужен. Ему предстоит узнать гораздо больше: кто будет по нему ходить, кто за него заплатит, кто потеряет заработок и почему даже хорошую помощь иногда хочется отвергнуть.

У него есть отец, умеющий обращаться с деревом, и мать, умеющая оставаться рядом с чужой болью. Они любят сына. Это не делает их безошибочными, а его — послушным. Всё самое важное им ещё придётся сказать друг другу.

Я не стану заранее объяснять, что такое рокот. Лучше прислушаемся к городу. Сейчас там выбирают мэра.



1. Как выбирают мэра по громкости

В городе Гуле взрослых выбирали по громкости.

Это не метафора и не чья-то злая шутка. Это был закон, записанный на главной площади большими буквами, чтобы его было видно даже тем, кто не умел читать, — а таких в Гуле становилось всё больше, и никто не считал это проблемой.

У кого голос громче — тот и начальник. Поэтому мэр носил рупор даже во сне, а его жена, говорят, спала в соседней комнате и затыкала уши капустой. Мэр просыпался, проверял рупор, дул в него и, если рупор отвечал, успокаивался и засыпал снова. Такой у него был ритуал. Взрослый, серьёзный ритуал взрослого, серьёзного человека.

На двери школы висела табличка: «Тихим вход воспрещён». Библиотеку закрыли ещё до рождения Мора. Говорят, там однажды кто-то задал вопрос. Один. Вопрос был простой

и никого не оскорблял, но с тех пор библиотеку закрыли на всякий случай, а того человека отправили считать паузы в Министерство Пауз — там такие были нужны.

Министерство Пауз занимало маленькое серое здание, потому что говорить о нём громко было неприлично. Его сотрудники ходили по улицам и слушали: не молчит ли кто слишком долго. Если человек молчал дольше положенного, к нему подходили, вежливо интересовались его самочувствием и записывали в блокнот. В блокноте было две графы: «Сомневается» и «Саботаж». Третьей графы не полагалось. Третья графа — это уже пауза в самом Министерстве, а на такое никто не смел.

Мор рос тихим.

Это было почти неприлично. В детском саду, где детей учили громко выражать своё мнение, Мор однажды выразил мнение тихо, и воспитательница сделала вид, что не расслышала. Он повторил. Она опять сделала вид. Тогда Мор сказал, что готов выразить мнение письменно, если это удобнее, и воспитательница наконец его услышала — потому что такое слышно даже сквозь рупор. Его поставили в угол. В углу было тихо, и Мор не жаловался. В углу ему даже понравилось: там можно было думать.

Вещи он говорил разумные. Например, однажды спросил: если начальников выбирают по громкости, почему тогда в городе так мало слышно хорошего? Ему объяснили, что он ещё маленький. Мор согласился — он действительно был маленький. Но вопрос почему-то остался висеть в воздухе, как мокрое бельё, которое забыли снять.

Выборы мэра в Гуле проходили осенью, когда воздух густеет и звук идёт дальше.

На площади ставили семь рупоров, и каждый кандидат должен был кричать в свой. Победитель определялся по трём показателям: децибелы, длительность и «уверенность взгляда». Последнее измеряли специальным прибором, который назывался «глазомер» и который, если честно, ничего не измерял, но за него хорошо платили, а это тоже своего рода точность.

В тот год в выборах участвовал действующий мэр, господин Гулкий. Он правил двенадцать лет и за это время построил три памятника себе и ни одного моста. Мост городу был нужен давно — через реку Молву, на Тихую сторону, — но мост не кричал, а памятники кричали, и выбор был очевиден.

Против Гулкого вышел молодой Свистун по фамилии Блеск. Он был быстр, блестящ и обещал за неделю перестроить всё, а за две — продать перестроенное выгодно.

Мор пришёл на площадь с отцом, потому что мать была на смене, а одного его не пускали: детям до двенадцати лет на выборах полагалось стоять рядом со взрослым, который мог бы объяснить, что происходит, — правда, объяснять было нечего, но правило есть правило.

Отец держал Мора за руку и молчал. Он всегда молчал так, будто это была работа. Он был лодочником и мастером, и на его руках было столько насечек от инструментов, что ладонь походила на карту реки. Мор любил эти насечки. По ним можно было понять, где отец сегодня был и что делал.

На площади было шумно до тошноты. Кандидаты кричали. Толпа кричала в ответ. Кто-то кричал просто так, на всякий случай, чтобы не заподозрили в паузе.

Господин Гулкий вышел вперёд, поднял рупор и сказал, что город под его руководством достиг небывалых высот. Город действительно достиг высот — все три памятника были высокие. Затем Гулкий сказал, что противники хотят тишины, а тишина — это смерть. Толпа загудела одобрительно. Слово «смерть» всегда хорошо работает, если сказать его громко.

Потом вышел Блеск и сказал, что всё надо менять, потому что старое — это старое, а новое — это новое, и это, в общем, разные вещи. Толпа загудела тоже, но чуть тише: не все поняли, но все услышали.

А потом настал момент, когда объявили: «А теперь — вопросы от народа». Это была формальность. Вопросы заранее проверялись, ответы тоже, и всё это вместе называлось «живой диалог».

Мор поднял руку.

Отец посмотрел на него сверху вниз. Не одёрнул. Только посмотрел. Мор потом много лет вспоминал этот взгляд — в нём не было ни «нельзя», ни «давай». В нём было: «ты уверен?». И это было самое честное, что можно сказать ребёнку перед тем, как он сделает что-то, чего потом не забудет.

Мор был уверен.

Его заметили. Ведущий, толстый человек с рупором, наклонился и спросил снисходительно, как спрашивают у детей, которые сейчас скажут что-нибудь милое:

— Ну, что скажет нам юный гражданин?

И Мор сказал.

Тихо. Он всегда говорил тихо. Но на площади в этот момент почему-то стало тише обычного — то ли ветер стих, то ли людям надоело кричать, — и его услышали.

— У нас в городе три памятника и ни одного моста, — сказал Мор. — А на Тихой стороне живут люди, и им нужно переходить реку. Почему мы выбираем того, кто громче, а не того, кто строит мосты?

На площади стало очень тихо.

Впервые за двенадцать лет. Министерство Пауз потом долго разбиралось, как такое могло случиться и кто виноват, и в итоге решило, что виноват ветер.

Господин Гулкий посмотрел на Мора сверху вниз так, как смотрят на мокрое бельё. Блеск посмотрел с интересом — он всегда смотрел с интересом на всё, что можно было потом выгодно продать. Толпа смотрела с тем особым выражением, с каким взрослые смотрят на ребёнка, который сказал правду и теперь, конечно, получит.

Первым нашёлся ведущий. Он засмеялся — громко, в рупор, чтобы все поняли, что это шутка, — и сказал:

— Дети! Что с них взять. Мечтатели!

Толпа облегчённо засмеялась. Смех был громкий, дружный, и в нём было столько всего, что Мор тогда ещё не умел назвать, а потом научился: в нём было облегчение людей, которым только что разрешили не думать.

Но ведущий не закончил. Он наклонился к Мору и спросил уже без смеха:

— А скажи, юный гражданин, ты сам-то мост построить можешь?

— Нет, — честно сказал Мор.

— А-а, — протянул ведущий и снова поднял рупор. — Слышали? Не может! А кричит!

И толпа снова засмеялась — теперь уже с удовольствием, потому что человек, который задаёт неудобный вопрос, но сам ничего не умеет, — это самый удобный человек на свете. Его можно слушать и ничего не менять.

Мора увели с площади за руку. Не отца — отец не стал бы. Мора увела женщина из Министерства Пауз, которая подошла и вежливо сказала, что «юному гражданину необходимо пройти беседу о формах выражения». Она записала его в блокнот. В графу «Сомневается». Графа «Саботаж» была бы слишком громкой для такого тихого мальчика, и она это отметила как свою маленькую профессиональную победу.

Дома пахло супом и мокрой тканью.

Мать пришла со смены и, не снимая платка, спросила:

— Ну?

Отец коротко рассказал. Он всегда рассказывал коротко, но ничего не терял: у него слова были как гвозди — мало, зато держат.

Мать села напротив Мора и посмотрела на него внимательно, как смотрят на человека, у которого что-то болит, но он ещё не знает где.

— Ты сказал правду, — сказала она.

— Меня наказали.

— Тебя наказали не за правду.

Мор поднял глаза.

— За то, что ты назвал правду громче, чем они, — сказала мать. — То есть не по форме. Форма у них важнее содержания, потому что форма — это их рупор. Отбери у них рупор, и останется пустое место. Они это знают. Поэтому тебя и наказали: не за вопрос, а за то, что ты тронул их рупор.

— Значит, надо было молчать?

Отец, который мыл руки, не обернулся, но сказал:

— Нет.

Мать улыбнулась — одной стороной рта, как умеют улыбаться люди, у которых мало времени и много любви.

— Надо было не только спросить, — сказала она. — Надо было ещё понять, почему они не хотят отвечать. А они не хотят, потому что боятся. Гулкий боится, что без рупора его никто не услышит. Блеск боится, что без скорости его никто не заметит. Они не глупые. Они охраняют.

— Что охраняют?

— Себя, — сказала мать просто. — Каждому есть что терять. Умный человек это видит и говорит с человеком не про правду, а про его страх. А ты пока говорил только про правду. Правда — это половина дела. Вторая половина — цена, которую человек за неё заплатит.

Мор задумался. Потом спросил:

— А если он всё равно не захочет?

Мать встала, чтобы налить суп, и ответила уже от печки, не оборачиваясь, потому что самое важное всегда говорится от печки:

— Тогда ты будешь знать, что сделал всё. И что это был его выбор. Не твой.

Она поставила перед ним миску. Суп был горячий, и над ним стоял пар — как маленький рокот, которого никто не слышит, но все чувствуют.

— Ешь, — сказала мать. — Потом пойдёшь с отцом в мастерскую.

— Зачем?

Отец вытер руки о полотенце и ответил:

— Будешь чинить лодку. А когда починишь — расскажешь, почему она поплывёт.

— Я не умею.

— Вот поэтому и пойдёшь.

Мор посмотрел в миску. Мать сама положила ему ложку, хотя он давно умел делать это без неё. Он взялся за ложку и стал есть.

2. Первый провал: разговор со Свистуном

Свистуны в Гуле не ходили — они носились. У них были быстрые ноги, быстрые глаза и такие быстрые языки, что слова догоняли друг друга и иногда сбивались в кучу, и тогда получалось что-то вроде «выгодно-быстро-выгодно-давай», и все понимали, что это значит «давай выгодно и быстро».

Лавка Свистуна Блеска-младшего — не путать с Блеском-кандидатом, это был его двоюродный брат, а может, и не брат вовсе, в Гуле с родством обращались так же вольно, как с обещаниями, — стояла на углу Молвы и Крика. В лавке пахло перцем, прибылью и чем-то ещё, что Мор не смог определить, но что наверняка тоже было выгодным.

Мор пришёл туда сам. Он долго думал после разговора с матерью и решил, что начнёт с самого простого: со Свистуна. Свистуны хотя бы слушают — пусть только про выгоду, но слушают же. Это уже больше, чем у Громких.

В лавке было тесно от товара. Товар лежал везде: на полках, на полу, на потолке (там висели связки сушёной рыбы, и Мор подумал, что рыба, наверное, тоже участвует в торговле, просто молча). За прилавком стоял сам Блеск-младший — маленький, юркий, с глазами, кото-

рые бегали так быстро, что за ними было трудно уследить, и с улыбкой, которая включалась и выключалась, как лампа.

— Мальчик! — сказал он. — Что покупаешь? Впрочем, неважно, всё равно купишь, у меня тут всё, что нужно, и даже то, что не нужно, но пригодится.

— Я не покупать, — сказал Мор. — Я поговорить.

Свистун посвистел. Это у них было вроде паузы, только быстрой.

— Поговорить — это бесплатно, — сказал он. — А бесплатное — это подозрительно. Ну, говори. Только быстро.

И Мор сказал.

Он сказал, что у Свистуна в подвале течёт труба. Он узнал это случайно: проходил мимо, услышал, как капает, и понял, что к зиме стена отсыреет, а товар, который лежит у стены, — перец, между прочим, дорогой, — отсыреет вместе с ней. Он сказал это просто и точно, потому что говорить точно было его единственным настоящим умением, и он думал, что этого достаточно.

Свистун выслушал. Посвистел. Посчитал на пальцах — быстро, как считают люди, у которых каждая секунда стоит денег. Потом улыбнулся своей включающейся улыбкой и сказал:

— Мальчик, отсыреет — это когда-нибудь. А монета — это сейчас.

— Но к зиме…

— К зиме я, может, продам лавку и уеду, — сказал Свистун. — Или перец подорожает, и я его всё равно продам, только дороже. Ты мне сейчас говоришь про зиму, а я живу сейчас. Понимаешь? Сейчас — это когда деньги, а зима — это когда холодно. Я предпочитаю деньги.

— Но вы же потеряете больше, если стена отсыреет.

— Потеряю, — согласился Свистун весело. — Но потеряю потом. А если я сейчас оторвусь от торговли и полезу в подвал — потеряю сейчас. А сейчас — это дороже. Так устроена жизнь, мальчик. Ты поймёшь, когда вырастешь.

Мор не понял, при чём тут «вырастешь», потому что он и так всё понял: он сказал правду, а Свистун её не услышал. Не потому что не понял — он всё прекрасно понял, — а потому что ему было невыгодно понимать. Понимать значило тратить деньги сейчас, а не понимать — тратить потом. И Свистун выбрал «потом».

Мор вышел из лавки и сел на ступеньку.

Ступенька была холодная и пахла перцем. Мор сидел на ней и думал, что, наверное, он сделал что-то не так. Но что? Он же сказал правду. Он же предупредил. Он же хотел как лучше.

Мимо прошёл человек из Министерства Пауз, посмотрел на Мора, посмотрел в блокнот и прошёл дальше. Мор не молчал, он думал, а думать в Гуле было можно, если не вслух. Вслух думать было почти неприлично.

Мать нашла его там же, на ступеньке. Она возвращалась с рынка и свернула к лавке за перцем.

Она села рядом, не спрашивая разрешения, и сказала:

— Рассказывай.

Мор рассказал. Мать слушала, не перебивая, и когда он закончил, сказала:

— Ты сказал правду. Но не назвал цену.

— Какую цену?

— Для него твоя правда — расход, а не выгода, — сказала мать. — Ты пришёл и сказал: «у тебя проблема». А он услышал: «ты должен потратиться». Ты хотел помочь, а получилось, что ты пришёл со счётом. Научись говорить так, чтобы правда была ему дешевле глупости.

— Это же манипуляция, — сказал Мор, и сам удивился, что знает такое слово.

— Нет, — сказала мать. — Манипуляция — это когда ты прячешь цену. Мудрость — это когда ты её называешь вслух. Ты сказал ему про зиму, но не сказал, сколько он потеряет к

зиме и сколько потратит сейчас. Ты дал ему правду без счёта. А он человек счёта. Он не может купить то, что не посчитано.

Мор подумал.

— То есть мне надо было посчитать?

— Надо было понять, чем он меряет, — сказала мать. — Свистун меряет деньгами. Громкий меряет громкостью. Бубнило меряет точностью. Молчун меряет делом. У каждого своя мерка, и правда, которая не переведена в его мерку, для него просто шум. Ты говорил на своём языке. А надо — на его.

— А если у него мерка плохая?

— Плохая, — согласилась мать. — Но это его мерка. Ты не можешь отобрать у человека мерку и дать свою — он тогда вообще перестанет мерить и начнёт защищаться. Ты можешь только показать ему, что по его же мерке выгоднее поступить умно. Тогда он сам выберет. А если не выберет — это его выбор, не твой.

Мор долго молчал. Потом спросил:

— А как узнать, чем человек меряет?

Мать улыбнулась.

— Слушай не слова, — сказала она. — Слушай, что человек боится потерять. Свистун боится потерять деньги сейчас. Громкий боится потерять величие. Бубнило боится потерять правоту. Молчун боится потерять достоинство. Как только ты услышал страх — ты услышал мерку. Это и есть эхо.

— Эхо?

— Люди говорят одно, а охраняют другое, — сказала мать. — Слово — это то, что человек сказал. Эхо — это то, что он имел в виду. Если тебе кажется, что ты услышал эхо, переспроси. Человек может иметь в виду совсем другое.

Мор посмотрел на мать.

— А ты умеешь?

— Я эховедка, — сказала она просто. — Меня так учили. Только нас в Гуле не любят, потому что мы отвечаем не на вопрос, а на нужду. Людям кажется, что это невежливо.

Она встала и протянула ему руку.

— Пойдём. Суп стынет.

Мор взял её за руку. Рука была тёплая и пахла не перцем, а чем-то домашним, и от этого почему-то стало легче.

— Мам, — сказал он. — А если я никогда не научусь слышать эхо?

— Научишься, — сказала мать. — Ты уже начал. Ты же пришёл ко мне. Значит, понял, что сам не справился. Это первое эхо, которое человек слышит, — своё собственное.

3. Мастерская отца

Мастерская отца стояла у самой воды, в конце улицы, где Молва затихает перед поворотом и кажется, что река здесь отдыхает.

Это было низкое деревянное строение с широкими воротами и земляным полом. Пахло смолой, стружкой и чем-то ещё — старым, тёплым, надёжным. Мор потом много лет не мог найти слова для этого запаха, пока не понял: так пахнет работа, которую делают не для того, чтобы похвастаться, а для того, чтобы держалось.

В мастерской не было рупора. Мор заметил это сразу. Здесь вообще не было ничего громкого. Инструменты висели на стенах в строгом порядке — каждый на своём месте, каждый с насечкой на ручке. На полке лежали доски. В углу стояла лодка — недостроенная, недокрашенная, с одним бортом выше другого.

Отец вошёл, снял куртку, повесил на гвоздь. Не сказал ни слова. Подошёл к лодке, провёл рукой по борту, будто здоровался.

Мор стоял у двери и ждал.

Он ждал долго. Отец молчал. Он не делал вид, что молчит — он просто молчал, как молчит вода в бочке, пока её не тронешь. В мастерской было тихо так, что Мор слышал, как где-то капает вода — ровно, спокойно, как часы.

— Пап, — сказал наконец Мор.

Отец посмотрел на него.

— Ты сказал, я буду чинить лодку.

Отец кивнул. Подошёл к стене, снял молоток и гвозди, положил перед Мором на верстак. Потом подвёл его к лодке и показал пальцем на место, где борт отходил от каркаса.

— Вот, — сказал он.

Одно слово. Не «прибей здесь, а потом там», не «смотри, как это делается», не «сначала измерь, потом отрежь». Просто «вот».

Мор взял молоток. Молоток был тяжёлый и неудобный, рука сразу устала. Он приставил гвоздь к доске и ударил. Гвоздь согнулся.

Он посмотрел на отца.

Отец молчал.

Мор взял второй гвоздь. Ударил сильнее. Гвоздь вошёл, но криво — борт не прижался, осталась щель.

— Он не прижался, — сказал Мор.

— Вижу, — сказал отец.

И всё. Ни «я же говорил», ни «давай помогу», ни «дай я покажу».

Мор взял третий гвоздь. Потом четвёртый. К пятому он понял, что если сначала прижать борт рукой, а потом бить — гвоздь идёт ровнее. К шестому он понял, что прижимать надо не у самого гвоздя, а чуть дальше, иначе палец мешает. К восьмому он понял, что молоток надо держать ближе к концу ручки, и тогда он не такой тяжёлый.

Он не сказал об этом вслух. В мастерской было не принято говорить то, что можно было показать.

Отец время от времени подходил, смотрел, кивал или молча забирал молоток и показывал одно движение — коротко, без объяснений. Потом возвращал молоток. Не хвалил. Не ругал. Просто был рядом.

К вечеру борт держался. Криво, но держался.

Мор сел на пол. Руки болели. На ладони вздулся волдырь.

— Всё, — сказал он.

Отец подошёл, присел рядом на корточки. Посмотрел на борт. Потом на Мора.

— Почему она поплывёт? — спросил он.

Мор подумал.

— Потому что борт держится.

— Почему держится?

— Потому что гвозди ровные.

— Почему ровные?

Мор посмотрел на свои руки. На волдырь. На молоток.

— Потому что я понял, как прижимать.

Отец кивнул. Медленно, один раз.

— Слово без гвоздя — дырка в борту, — сказал он. — Ты сказал «борт держится». Это слово. А держится он потому, что ты его сделал. В следующий раз, когда захочешь кому-то объяснить, что он должен делать, — сначала сделай сам. Потом покажи. А объяснять будешь только если спросят.

— А если не спросят?

— Тогда не объясняй, — сказал отец. — Сделай так, чтобы было видно. Человек сам спросит.

Через неделю Мор попробовал.

На берегу, где чинили сети, сидели Молчуны — каста, которая говорила мало и делала много. Они плели сети, смолили лодки, таскали грузы. Их не любили в Гуле, потому что они не участвовали в выборах: какой смысл кричать, если всё равно никто не слушает. Их называли «те, кто молчит», и в этом «те» было больше презрения, чем в любом ругательстве.

Мор пришёл к ним и попробовал говорить.

Он сказал, что сети можно плести плотнее. Он видел, как это делается, он читал — точнее, ему рассказывала мать, которая всё знала от пациентов, — что если узел вязать иначе, сеть будет держать больше рыбы. Он сказал это ясно и точно. Он даже показал пальцем, где узел.

Молчуны посмотрели на него. Один — старый, с руками как корни, — сказал:

— Мальчик, иди домой.

И всё. Никто не стал спорить. Никто не стал слушать. Они вернулись к своей работе, и Мор остался стоять на берегу с открытым ртом и пальцем, указывающим в пустоту.

Он пришёл в мастерскую расстроенный.

— Они меня не услышали, — сказал он отцу.

Отец смолил лодку. Не поднял головы.

— Ты им сказал, — заметил он.

— Сказал.

— А показать?

Мор замолчал.

— Они тебя не услышали, потому что ты говорил, — сказал отец. — А они слушают руками. Пойди и сделай с ними. Молча. Потом посмотрим.

Мор вернулся на берег.

Он не стал говорить. Он сел рядом со старым Молчуном, взял кусок сети и стал плести. Криво, медленно, путая узлы. Старик посмотрел на него, ничего не сказал и вернулся к работе.

Мор плёл. Руки болели. Он путал. Он распускал. Он плёл снова.

На третий день старик, не отрываясь от работы, сказал:

— Не так.

Два слова.

Мор остановился.

Старик взял его руки своими — грубыми, тёплыми, — и показал. Молча. Одно движение. Потом отпустил.

Мор попробовал. Получилось ровнее.

Старик кивнул. Один раз. И вернулся к работе.

На пятый день Мор уже плёл так, что сеть держала. Не так хорошо, как старик, но держала. И тогда старик сказал:

— А теперь говори.

И Мор сказал — про узел, про плотность, про то, что если вязать иначе, сеть будет держать больше. Он говорил тихо, и его слушали. Потому что он уже был свой. Потому что он сначала сделал, а потом сказал.

Отец вечером спросил:

— Ну?

— Услышали, — сказал Мор.

— Почему?

Мор подумал.

— Потому что я сначала стал одним из них.

Отец покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Потому что ты не стал им объяснять, что они делают неправильно. Ты просто делал с ними. А когда человек делает с тобой — он тебя слышит. Даже если ты молчишь. Особенно если ты молчишь.

Он помолчал и добавил — редко, когда говорил больше двух предложений подряд:

— Молчун боится потерять достоинство. Если ты приходишь и говоришь «делай иначе», ты говоришь ему, что он делал плохо. Это унижение. А если ты садишься рядом и делаешь — ты говоришь ему: «ты делаешь хорошо, я учусь у тебя». И тогда он сам тебя спросит. И тогда он сам захочет иначе. Потому что это уже не твоя правда, а его решение.

4. Тетрадь матери

Тетрадь лежала в кухонном ящике, между солью и связкой сушёных трав.

Мор нашёл её случайно — искал спички, а нашёл тетрадь. Обложка была обёрнута в серую ткань, углы обтрёпаны, на корешке — пятно от чая. Мор знал, что брать чужие тетради нехорошо. Но он также знал, что мать никогда ничего не прячет, а если что-то лежит между солью и травами, то оно лежит там не для того, чтобы его не нашли, а для того, чтобы оно было под рукой.

Он сел на табурет и открыл.

Почерк был мелкий, ровный, с наклоном вправо — как будто буквы куда-то шли и не собирались останавливаться. На первой странице было написано:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.